

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-61-63

РОСТОКИНСКИЙ А.В.,
доктор юридических наук,
профессор Департамента Права Института
Экономики Управления и Права ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: arostokinskiy@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за диверсионную деятельность в современном законодательстве. Анализируются пробелы и противоречия в нормах Уголовного кодекса РФ, а также сложности правоприменительной практики. Предлагаются пути совершенствования законодательства и механизмов борьбы с диверсиями.

Ключевые слова: диверсия, уголовная ответственность, национальная безопасность, терроризм, законодательная регламентация.

ROSTOKINSKY A.V.,
Doctor of Law, Professor of the Department Law
Institute of Economics Management and Law Moscow State
Pedagogical University

CRIMINAL LIABILITY FOR SABOTAGE: SOME ASPECTS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article examines the problems of criminal law regulation of liability for sabotage in modern legislation. It analyzes gaps and contradictions in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as challenges in law enforcement practice. Ways to improve legislation and mechanisms for combating sabotage are proposed.

Key words: sabotage, criminal liability, national security, terrorism, legislative regulation.

Диверсия занимает особое место в системе уголовного права как преступление, направленное против основ конституционного строя и безопасности государства.

До недавнего времени данная статья была, так называемой, «мертвой статьей» — статистика отражала статистически не значимые показатели, или вовсе показатели были нулевыми. Но, вовремя проведения Специальной военной операции ее актуальность резко возросла, что демонстрирует рост данного вида преступлений в 2024 году.

Всего осужденных к лишению свободы: 2016 — 0 чел.; 2017 — 1 чел.; 2018 — 2 чел.; 2019 — 3 чел.; 2020 — 0 чел.; 2021 — 0 чел.; 2022 — 1 чел.; 2023 — 9 чел.; 2024 — 48 чел [6].

Исторически диверсия ассоциировалось с военными операциями, проводимыми специаль-

ными группами для дезорганизации противника. Однако с развитием общества и усложнением угроз безопасности государства содержание диверсии значительно расширилось. Сегодня она может проявляться не только в классических формах, таких как взрывы или поджоги, но и в скрытых действиях, направленных на системную дестабилизацию.

В советский период уголовная ответственность за диверсию была предусмотрена ст. 68 УК РСФСР. К таким преступлениям относились разрушение предприятий, транспортной инфраструктуры, а также распространение эпидемий с целью ослабления государства. Санкции были суровыми: лишение свободы на срок до 15 лет или смертная казнь. В современном УК РФ диверсия регламентируется ст. 281, где выделяются три части, устанавливающие ответственность в зависимости от тяжести последствий. Основной состав

преступления включает совершение взрывов, поджогов или иных действий, направленных на повреждение критически важных объектов.

Следует отметить, что действующая редакция УК РФ существенно сузила понятие диверсионной деятельности по сравнению с предыдущими законодательными подходами. В частности, из состава преступления исключены такие опасные действия, как массовое уничтожение людей, искусственное распространение эпидемий и эпизоотий, а также совершение массовых отравлений. В результате этого правового изменения целый ряд крайне опасных деяний, способных нанести колоссальный ущерб национальной безопасности, оказался вне сферы действия ст. 281 УК РФ [3].

Объектом посягательства при диверсии выступают экономическая и оборонная безопасность Российской Федерации, а предметом — материальные объекты, критически важные для стабильности государства. К ним относятся атомные и гидроэлектростанции, линии электропередач, трубопроводы, мосты, плотины и другие инфраструктурные объекты [4].

Способы совершения диверсии, указанные в статье 281 УК РФ, включают взрыв, поджог и иные действия, схожие по последствиям. Взрыв определяется как быстрое высвобождение энергии, приводящее к разрушению окружающих объектов, а поджог — как умышленное уничтожение имущества с использованием огня. Примечательно, что эти способы совпадают со способами совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ).

Понятие «иные действия» в диспозиции статьи вызывает дискуссии среди ученых. Законодатель относит к ним организацию обвалов, наводнений и других катастроф, однако некоторые исследователи предлагают расширить трактовку, включив действия, направленные на подрыв конституционного строя, экономической, социальной, военной и политической безопасности.

Её общественная опасность обусловлена потенциальной способностью подрывать экономическую стабильность, обороноспособность и социальную безопасность страны. В современных условиях, включая проведение специальных военных операций и усиление киберугроз, актуальность вопросов квалификации и предупреждения диверсионной деятельности существенно возрастает. Однако действующая редакция ст. 281 УК РФ, предусматривающая ответственность за диверсию, требует существенного пересмотра с учётом новых вызовов и пробелов в правоприменительной практике [1].

Согласно ст. 281 УК РФ, диверсия определяется как совершение взрыва, поджога или иных

действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и других важных объектов в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Однако диспозиция статьи остаётся узкой и не охватывает весь спектр современных диверсионных угроз. Одной из ключевых проблем является отсутствие чёткого определения «иных действий», что создаёт сложности при квалификации преступлений. Кроме того, ст. 281 УК РФ не учитывает такие формы диверсии, как кибердиверсия, которая становится всё более распространённой в условиях цифровизации. Подобные действия, хотя и соответствуют целям диверсии, не всегда подпадают под действующую редакцию статьи [5].

Ещё одной проблемой является схожесть объективной стороны диверсии и террористического акта (ст. 205 УК РФ) [2]. Оба преступления могут совершаться путём взрывов, поджогов или иных разрушительных действий. Однако ключевое различие заключается в цели: террористический акт направлен на воздействие на органы власти или устрашение населения, тогда как диверсия преследует подрыв экономики и обороноспособности страны. Несмотря на это, разграничение составов на практике остаётся сложным, что требует более детального толкования со стороны Верховного Суда РФ.

Для устранения указанных пробелов предлагается внесение ряда изменений в ст. 281 УК РФ. Во-первых, необходимо расширить диспозицию статьи, включив в перечень «иных действий» кибердиверсию, определив её как действия, совершённые с использованием компьютерных систем или сетей, направленные на разрушение или повреждение критически важных объектов инфраструктуры. Это позволит охватить современные формы диверсионной деятельности, такие как атаки на энергосистемы, транспортные узлы или системы управления промышленными объектами. Во-вторых, целесообразно конкретизировать цели диверсии, дополнив статью указанием на подрыв социальной стабильности. Это особенно актуально в условиях, когда действия диверсантов могут быть направлены не только на материальные объекты, но и на дестабилизацию общественных отношений, например, путём разжигания межнациональных конфликтов или распространения ложной информации. В-третьих, следует ввести квалифицирующие признаки, такие как совершение диверсии с использованием служебного положения или её финансирование, что позволит более эффективно бороться с организованными формами диверсии, включая деятельность иностранных агентов. Наконец, важно

уточнить терминологию, закрепив в законе или разъяснениях Верховного Суда РФ такие понятия, как «диверсионная группа», «диверсионная операция», «значительный имущественный ущерб» и «иные тяжкие последствия». Это снизит риски квалификационных ошибок и обеспечит единообразие судебной практики.

Помимо законодательных изменений, важную роль играют меры профилактики диверсионной деятельности. К ним относится усиление охраны критически важных объектов, включая внедрение современных систем мониторинга и защиты инфраструктуры с использованием технологий искусственного интеллекта. Повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности также является ключевым направлением, поскольку позволяет своевременно выявлять лиц, вовлечённых в диверсионную деятельность, включая вербовку агентов иностранных спецслужб. Кроме того, развитие международного сотрудничества в сфере противодействия диверсиям приобретает особую значимость в условиях транснационального характера современных угроз.

Совершенствование ст. 281 УК РФ и внедрение комплексных мер предупреждения диверсионной деятельности позволят более эффективно защищать национальную безопасность России. Расширение диспозиции статьи, включение кибердиверсии и других современных форм угроз, а также конкретизация ключевых понятий снизят риски ошибок при квалификации преступлений. В условиях роста технологических и геополитических вызовов эти меры становятся не просто актуальными, а необходимыми для обеспечения стабильности и безопасности государства.

Список литературы:

- [1] Давитадзе, М. Д. Уголовная ответственность за диверсию / М. Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3.
- [2] Жунушова, Г. Б. Уголовная ответственность за совершение диверсии по законодательству Кыргызской Республики / Г. Б. Жунушова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2022. – Т. 22, № 11.
- [3] Коряковцева О. А. Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст.281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии / О. А. Коряковцева, И. А. Семенцова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 9(148).
- [4] Куликов, А. В. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: Учебное пособие / А. В. Куликов, В. Н. Борков, Т. Н. Долгих. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022.
- [5] Лисовский, Д. Г. Уголовно-правовая и социальная сущность диверсии / Д. Г. Лисовский, Е. Е. Моисеенко // E-Scio. – 2022. – № 4(67).
- [6] Судебная статистика РФ <https://stat.ани-псcc.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mfyarh3awf614280100>

References:

- [1] Davitadze, M. D. Criminal liability for sabotage/M. D. Davitadze//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3.
- [2] Zhunushova, G. B. Criminal liability for sabotage under the legislation of the Kyrgyz Republic/G. B. Zhunushova//Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2022. - VOL. 22, NO. 11.
- [3] Koryakovtseva O. A. Measures to improve anti-sabotage legislation (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation): political and legal aspects and ways to prevent sabotage/O. A. Koryakovtseva, I. A. Sementsova//Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and governance. – 2022. – № 9(148).
- [4] Kulikov, A.V. Crimes against state power, the interests of public service and service in local governments: Textbook/A.V. Kulikov, V.N. Borkov, T.N. Dolgikh. - Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2022.
- [5] Lisovsky, D. G. Criminal law and social essence of sabotage/D. G. Lisovsky, E. E. Moiseenko//E-Scio. – 2022. – № 4(67).
- [6] Judicial statistics of the Russian Federation <https://stat.ани-псcc.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mfyarh3awf614280100>

